

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

DOI: 10.17805/zpu.2020.2.13

Летопись и былина: как Александр Попович стал Алешей

С. В. АЛЕКСЕЕВ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ;

ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»

Статья посвящена проблеме исторических оснований русского героического эпоса. В качестве примера рассматривается происхождение образа знаменитого былинного богатыря Алеши Поповича через призму известий о его предполагаемом прототипе в памятниках средневековой литературы.

На примерах показаны собирательный характер былинных образов, условность былинного историзма. В то же время демонстрируется, что эпос и литература Руси находились в тесном взаимодействии. Первый этап формирования фольклорно-литературного образа Александра Поповича в средневековых памятниках представлен «Описанием об Александре Поповиче» (предположительно XIV в.). Именно оно является наиболее вероятным источником первых летописных упоминаний о ростовском «храбре».

Известия об Александре Поповиче в летописях XV в. демонстрируют усиление легендарного элемента, начало сближения исторических припоминаний о персонаже с образами «героического века» русских былин. Окончательное выражение эта тенденция находит в Никоновской летописи, где Александр Попович впервые представлен и как современник князя Владимира, и как герой начала XIII в.

В триоцком «Сказании об Александре Поповиче» (первая половина XVI в.) он действует в столь же вневременном легендарном пространстве удельной Руси. К XVII в. относится первая запись неоднократно фиксировавшегося позднее былинного сюжета об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче.

Перечисленные памятники ценны тем, что позволяют проследить эволюцию одного из центральных былинных образов практически от истоков. Это в свою очередь демонстрирует условность как чисто «исторических», так и чисто «мифологических» подходов к происхождению героического эпоса.

Ключевые слова: древнерусская литература; былина; эпос; эпический герой; русский фольклор; русская летопись; историзм

ВВЕДЕНИЕ

Споры об историзме былин идут уже не один век. Насколько отражалась в героическом эпосе «подлинная» история, имели ли былинные персонажи конкретно-исторических прототипов? События и личности находят себе место на пространстве эпоса в обобщенном, фантастическом преломлении. К тому же каждый вариант любого былинного сюжета фактически является самостоятельным произведением, соединяющим воспринятое из традиции с импровизацией и сочинением самого скази-

теля. Традиционная аудитория верила в описываемое в былинах, но не предъявляла к ним требований «документа», неизменной «официальной» и точной истории.

Однако в силу тех же причин былина — и не чистый вымысел. Эпос о киевских богатырях прошел долгий путь становления, переосмысления образов, «собираания» героев ко двору Владимира Красное Солнышко. Но этот путь шел от исторической памяти. Иногда его можно проследить.

Сведения о богатыре («храбре») Александре Поповиче ранее обобщались Д. С. Лихачевым (Лихачев, 1949), Ю. И. Смирновым и В. Г. Смолицким (Летописные известия ..., 1974). В целом путь появления былинного Алеши в прежних исследованиях показан убедительно, и новых источников не выявлено. Данная статья посвящена скорее уточнению некоторых сделанных первыми исследователями вопроса выводов и демонстрации их значимости для более широкой проблематики связей устной традиции и средневековой литературы.

РОСТОВСКИЙ ХРАБР

Первое упоминание о доблестном воине по имени Александр Попович мы находим в общерусском летописном своде 1418 г. Здесь при описании битвы на реке Калке 1223 г. сообщается: «И Александр Попович тут убит был с иными 70 храбров» (Полное собрание ..., 2000a: 282).

Это добавление к описанию первого разгрома русских монголами, видимо, почерпнуто составителями свода из какого-то источника. Наиболее вероятно, что таким источником было «Описание» об Александре Поповиче, сохранившееся в двух списках XVI–XVII вв. Старший список в составе летописного Тверского сборника представляет собой пространную редакцию, соединенную с летописной повестью о Калкском побоище (Полное собрание ..., 2000d: 336–343 (вторая пагинация)). Поздний список XVII в. из компилятивного Хронографа — отдельная биография героя в краткой редакции, заметно отличающейся от пространной (Лихачев, 1949: 34). Логично предположить, что именно она и является первичной.

Сюжет развивается следующим образом. Ростовец Александр Попович со слугой Торопом и 70 другими храбрами служит ростовскому князю Константину Всеволодовичу. Тот воюет за княжение с братом, владимирским князем Юрием Всеволодовичем. Александр в сражениях перебил множество воинов противника, чьи кости остались в ямах на реке Ишне и под Угодичами. С ним вместе бился его друг Тиманя Златой Пояс. Среди сраженных же — храбры Юрия Юрята и Ратибор, из которых последний хвастал перехватать («наметать в седла») все войско Константина. Когда Константин умирает, его стол наследует Юрий. Боясь его мести, Александр собирает других храбров и предлагает им ехать к великому киевскому князю Мстиславу Романовичу, чтобы не оказаться по разные стороны в княжеских усобицах. Мстислав Романович из-за прибытия храбров сильно возгордился. Когда до него доходят слухи о нашествии татар, то он хвастает: «Пока я на Киеве, то по реку Яик, и по море Понтийское, и по реку Дунай не махать саблям». Мстислав отправляется вопреки Божьему суду над причинявшими много бед Руси половцами помогать им против татар и гибнет на Калке со всеми своими храбрами. «Описание» по содержанию и пафосу напоминает «Слово о полку Игореве». Здесь осуждаются неразумие и распри князей, прославляются воинские подвиги на поле брани. Особенность в том, что это первая «запись» эпического сказания о судьбе обычного, пусть и героического дружинника — заложника княжеских усобиц и жертвы княжеского неразумия.

То, что перед нами записанное долгое время спустя сказание, достаточно очевидно. Исторические события искажены. Битва на реке Ишне была неудачна для Константина. В 1216 г. после Липицкой битвы он сменил брата во Владимире, а Юрий в 1219 г. наследовал Константину не в Ростове, а в своем же прежнем городе. Мстислав Романович не был главным инициатором похода на помощь половцам. Они обратились за подмогой к его тезке, союзнику и кузену, галицкому князю Мстиславу Мстиславичу Удатному. В основе «Описания» — местные ростовские предания. Написано оно, видимо, в Ростовском княжестве в XIV в.

Пространная редакция создана заметно позже, в течение XV в., к концу которого стала довольно широко известна. Ее автор явно хотел сделать более достоверным доставшийся ему текст и насытить его историческими сведениями. Помимо общих данных об историческом фоне, он добавил, что Александр ранее служил Всеволоду Большое Гнездо; что он участвовал в Липицкой битве, одной из самых кровавых битв эпохи усобиц, принесшей его князю владимирский стол. Почерпнул автор и некоторые новые детали из местных преданий о деяниях Александра. Так, подробнее описан совет храбров после смерти Константина — он проходит под Гремячим колодцем на реке Где, весьма символично близ места Липицкой битвы.

Из пространной редакции сведения об участии Александра Поповича и его верного Торопа в Липицкой битве попали в московское официальное летописание — Сокращенные своды конца XV в. (Полное собрание ... , 2007: 234, 320). Самое интересное изменение, произошедшее здесь: прежде Александра выделен как один из всего «двух храбров» Златой Пояс. Теперь он, однако, именуется не Тиманей, а Добрыней. Здесь можно видеть первый шаг в складывании былинного образа. Ростовский храбр Тиманя получает древнее имя эпического богатыря. Местное сказание начинает встраиваться в былинный эпос.

КИЕВСКИЙ БОГАТЫРЬ

То, что на рубеже XV–XVI вв. дело обстоит именно так, ясно демонстрирует созданная около 1520 г. Никоновская летопись. В ней эпос использовался весьма обильно при описании эпохи Владимира Святого. Среди его богатырей мы неожиданно встречаем Александра Поповича. В 1000 г. он будто бы в отсутствие князя доблестно защитил Киев, убив напавшего на город с половцами предателя Володаря и разогнав кочевников. Половцы пришли к границам Руси спустя полвека, а о Володаре из других источников ничего не известно. В 1001 г. Александр и прославленный силач Ян Усмошвец разгромили печенегов и привели Владимира хана Романа с сыновьями. О таком хане тоже иных сведений нет. Наконец, в 1004 г. Александр и Ян вместе отгоняют печенегов от Белгорода (Полное собрание ... , 2000b: 68).

Поразительно, что это не мешает Александру Поповичу спустя 200 лет служить и Константину. Время определенно перестало быть помехой для богатыря, попавшего во вневременное пространство былины, — и пользующаяся устной традицией летопись отражает это. В 1217 г. Александр Попович участвует в Липицкой битве вместе с Добрыней Златым Поясом и Торопом. Добрыня теперь еще и «Рязанич» — былинный Добрыня Никитич обычно уроженец Рязани. Появляются новые детали: в битве Александр едва не убивает по ошибке союзного князя Мстислава Удатного и удаляет его из битвы, наставительно напомнив, что для сражения есть дружинники. В 1223 г. героическая биография наконец завершается, как и прежде, битвой на Калке, где, как специально отмечает летописец, пали также Добрыня и Тороп (Полное собрание ... , 2000c: 70–74, 92).

Итак, Александр Попович уже становится и богатырем князя Владимира. Однако его собственное время все еще остается достаточно героическим, чтобы он не вполне от него оторвался.

Былинный эпос складывался разными путями. Это показывает небольшое сказание об Александре Поповиче в новгородском Троицком летописце (между 1518–1560) (Клосс, 1968). В этой «записи», спустя два века после «Описания», Александр принадлежит своей изначальной эпохе, но сама эпоха предстает фантастической и «эпической».

В зачине описывается, что Мстислав Галицкий (т. е. Удатный) управлял «32-мя князьями и всей Русской землей», тогда как Мстислав Киевский (т. е. Романович) покорил «половцев, жмудь и печенегов, многие земли». После этого киевский князь отнимает у галицкого «по реку Почайну отчину его». На Почайне сходятся разнородное киевское войско и «вся Русская земля» под водительством Мстислава Галицкого. К последнему прибывает Александр Попович со слугой Торопцем. Киевский князь хочет послать на реку поединщиком одного из своих воевод. Воевода Дрозд отговаривается, и едет воевода Волчий Хвост. Он бросает вызов, который принимает Александр. Переправившись и съехавшись с воеводой, богатырь выбивает его из седла. В обмен на жизнь Волчий Хвост трижды погружается в реку, после чего по велению Александра в таком виде идет к своему князю. Воевода передает требование богатыря отступить от вотчины галицкого князя, но Мстислав Киевский отказывается. Волчий Хвост сообщает об этом Александру. Тот, не мешкая, «наезжает» на киевские рати, в одиночку побеждает «половцев, жмудь и печенегов» и прорубается до киевского князя, который умоляет его о пощаде. Александр возвращает Мстиславу Галицкому землю и отпускает его тезку. «Это была первая война Александра Поповича» — так завершается повествование.

Поразительно в этом сюжете то, что в нем проще выделить подлинные детали (княжение одного Мстислава в Галиче, а другого в Киеве), чем вымышленные. Мстислав Мстиславич и Мстислав Романович были в тесном союзе и не воевали; воевода Волчий Хвост служил Владимиру Святому и Святополку Окаянному; воевода Дрозд выдуман. Но все это оказывается вполне простительным в свете последней сцены, где Александр в одиночку истребляет и разгоняет огромное войско. Становится понятно, что перед нами отражение былины.

Ясны становятся и некоторые детали. В новгородском предании Волчий Хвост помнил в той же роли, что и здесь, — как неразумный бахвал, дразнивший новгородцев перед Любечской битвой 1016 г. Мстислав Удатный до Галича княжил в Новгороде и запомнился новгородцам как выдающийся полководец. Здесь он в роли былинного князя, и его стольный Галич противопоставлен Киеву. Как и в Никоновской, Александр связан с Удатным в одном сюжете, и даже центральный мотив — сражаться должен герой, а не князь — остается тот же.

В XVII в. в первых записях русского былинного эпоса мы не раз встречаем богатыря по имени Алеша Попович среди воителей князя Владимира. Он действует в «Сказании о киевских богатырях», в «Повести о Михаиле Потоке». Ко второй половине века относится фрагмент позднее многократно записывавшейся былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» (Былины ..., 1960: 139–140). Действие разворачивается, как и в позднейших вариантах, при дворе князя Владимира, где хозяйничает чудовищный чужеземец Тугарин (враг Руси и в «Сказании о киевских богатырях»), которого князь боится. Александра по-прежнему сопровождает слуга Тороп. Противник Алеши —

подобно Ратибору и Волчьему Хвосту, богатырь-хвастун, упивающийся своей силой. Но победа над ним теперь — не часть княжеской распри, а дело защиты свободы и чести Руси. На смену полуисторическому «храбру» окончательно приходит былинный богатырь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами памятники древнерусской литературы ценны тем, что позволяют проследить эволюцию одного из центральных былинных образов практически от истоков. Это уникальный пример в истории древнерусской словесности.

И данный пример с ясностью демонстрирует крайнюю условность как чисто «исторических», так и чисто «мифологических» подходов к происхождению былинного эпоса. С одной стороны, в нашем случае историческая основа совершенно очевидна. С другой стороны, в сложившихся в итоге былинных сюжетах Нового времени она уже едва прослеживается, и герой действует во вневременном, мифологизированном пространстве «героического века».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков (1960) / отв. ред. А. М. Астахова. М. ; Л. : Наука. 320 с.

Клосс, Б. М. (1968) Новый памятник русского эпоса в записи XVI в. // История СССР. № 3. С. 151–157.

Летописные известия о богатырях Добрыне и Александре Поповиче (1974) // Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М. : Наука. 448 с. С. 336–342.

Лихачев, Д. С. (1949) Летописные известия об Александре Поповиче // Труды отдела древнерусской литературы. Т. VII. М. ; Л. : Издательство АН СССР. 487 с. С. 17–51.

Полное собрание русских летописей (2000a). М. : Языки русской культуры. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. 312 с.

Полное собрание русских летописей (2000b). М. : Языки русской культуры. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 288 с.

Полное собрание русских летописей (2000c). М. : Языки русской культуры. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 248 с.

Полное собрание русских летописей (2000d). М. : Языки русской культуры. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. 432 с.

Полное собрание русских летописей (2007). М. : Языки славянских культур. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. 436 с.

Дата поступления: 21.02.2020 г.

CHRONICLE AND BYLINA: HOW ALEKSANDR POPOVICH BECAME ALYOSHA

S. V. ALEKSEEV

MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE; HISTORICAL AND EDUCATIONAL SOCIETY "RADETEL"

The article is devoted to the issue of the historical foundations of the Russian heroic epic. As an example, it considers the origin of the image of the famous epic hero Alyosha Popovich through the prism of the mentions of his alleged prototype in medieval literature monuments.

The author exemplifies the collective nature of the epic images and the convention of epic historicism. At the same time, it is demonstrated that the epic and literature of Russia were in close interaction. The first stage in the formation of the folklore and literary image of Aleksandr Popovich in medieval monuments is represented by the "Description of Aleksandr Popovich", presumably in the 14th century. It is the most probable source of the first annalistic mentions of the Rostov "khrabr".

The information of Alexander Popovich in the chronicles of the 15th century demonstrate the strengthening of the legendary element, the beginning of the convergence of historical recollections of the character with the images of the “heroic age” of Russian epics. This tendency finds its final manifestation in the Nikon Chronicle, where Aleksandr Popovich was first introduced as both a contemporary of Prince Vladimir, and as a hero of the early 13th century.

In the “Tale of Aleksandr Popovich” (the first half of the 16th century) he operates in the equally timeless legendary space of feudal Russia. The first record of the epic song about Alyosha Popovich and Tugarin Zmeevich, which was repeatedly recorded later, dates back to the 17th century.

The listed monuments are valuable in that they allow us to trace the evolution of one of the central epic images practically ab origine. This, in turn, demonstrates the conventionality of both purely “historical” and purely “mythological” approaches to the origin of the heroic epic.

Keywords: Old Russian literature; bylina; epic; epic hero; Russian folklore; Russian chronicles; historicism

REFERENCES

Byliny v zapisjah i pereskazah XVII—XVIII vekov (1960) / ed. A. M. Astahova. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 320 pp. (In Russ.)

Kloss, B. M. (1968) Novyj pamjatnik russkogo jeposa v zapisi XVI v. *Istorija SSSR*, no. 3, pp. 151–157. (In Russ.)

Letopisnye izvestija o bogatyrjah Dobryne i Aleksandre Popoviche (1974). In: *Dobrynja Nikitich i Alesha Popovich* / izd. podg. Ju. I. Smirnov and V. G. Smolickij. Moscow, Nauka Publ. 448 p. Pp. 336–342. (In Russ.)

Lihachev, D. S. (1949) Letopisnye izvestija ob Aleksandre Popoviche. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. Moscow; Leningrad: Academy of Science of USSR Publ. Vol. VII. 487 p. Pp. 17–51. (In Russ.)

Polnoe sobranie russkikh letopisej (2000a). Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ. Vol. 6. Issue 1. *Sofijskaja pervaja letopis' starshego izvoda*. 312 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie russkikh letopisej (2000b). Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ. Vol. 9. *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju*. 288 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie russkikh letopisej (2000c). Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ. Vol. 10. *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju*. 248 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie russkikh letopisej (2000d). Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ. Vol. 15. *Rogozbskij letopisec. Tverskoj sbornik*. 432 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie russkikh letopisej (2007). Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ. Vol. 27. *Nikanorovskaja leto-pis' . Sokrashhennye letopisnye svody konca XV v.* 436 p. (In Russ.)

Submission date: 21.02.2020.

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры; председатель Историко-просветительского общества «Радетель». Адрес: 141406, Россия, Московская область, г. Химки, Библиотечная ул., д. 7. Тел.: +7 (495) 570-67-82. Эл. адрес: ipo1972@mail.ru

Alekseev Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor, Professor, Department of History and Historical Archival Studies, Moscow State Institute of Culture; Chairman, Historical and Educational Society “Radetel”. Postal address: 7, Bibliotechnaya St., Khimki, Moscow Region, Russian Federation, 141406. Tel.: +7 (495) 570-67-82. E-mail: ipo1972@mail.ru